

DOI: 10.17803/1729-5920.2022.191.10.017-032

Н. Н. Тарусина*

Возраст как юридический факт в сфере семьи: соблазны и условность цифры¹

Аннотация. В статье рассматриваются варианты значения возраста как самостоятельного юридического факта или элемента сложного юридико-фактического состава в семейно-правовой сфере. Автор констатирует, что юридическое значение возраста человека многообразно и неоднозначно. При этом законодательные решения строятся с учетом различных факторов: условности цифрового обозначения точки возрастного отчета, уважения национальных и культурных традиций, в том числе правовых, соображений о медицинских и психологических характеристиках, более или менее соответствующих тому или иному возрасту, субъективных предпочтений или ошибок, сугубо политических (идеологических) мотивов. В результате сочетание указанных факторов приводит к обоснованным или же разной степени необоснованным позициям, в высшей степени приблизительным в цифровом плане.

Критикуются положения семейного закона о региональном разнообразии в вопросе снижения брачного возраста, которое далеко не всегда отражает реальные национально-культурные особенности территорий и избыточно локализует действие конструкции дееспособности. Анализируется дифференциация возрастных возможностей ребенка как субъекта семейного права, в том числе в контексте взаимодействия с соответствующими решениями в других отраслях российского права (конституционного, муниципального, административного, гражданского, трудового, гражданско-процессуального). Констатируется отсутствие системы в данном вопросе. Предлагается корректировка законодательства в части систематизации «точек запуска» частичной дееспособности несовершеннолетних. Делается акцент на психологическом контексте проблемы юридически значимого возраста ребенка. Демонстрируются и иные значения возраста для семейно-правовой сферы — в институтах недействительности брака, алиментных обязательствах, опеки и попечительства, усыновления (удочерения).

Ключевые слова: возраст; юридическое значение; дифференциация возраста; систематизация решений; брак; ребенок; несовершеннолетнее родительство; семейные правоотношения.

Для цитирования: Тарусина Н. Н. Возраст как юридический факт в сфере семьи: соблазны и условность цифры // Lex russica. — 2022. — Т. 75. — № 10. — С. 17–32. — DOI: 10.17803/1729-5920.2022.191.10.017-032.

Age as a Legal Fact in the Family Sphere: Temptations and Conventionality of the Number of Years²

Nadezhda N. Tarusina, Cand. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Social and Family Legislation, Demidov Yaroslavl State University; Honored Lawyer of the Russian Federation
ul. Sovetskaya, d. 14, Yaroslavl, Russia, 150003
nant@uniyar.ac.ru

Abstract. The paper examines the meanings of an age as an independent legal fact or an element of a complex legal and factual structure in the family legal sphere. The author states that the legal significance of a person's

¹ Исследование выполнено в рамках Программы развития ЯрГУ, проект № П2-К-1-Г-2/2021.

² The reported study was funded by YSU Programme according to the research project № P2-K-1-G-2/2021.

© Тарусина Н. Н., 2022

* Тарусина Надежда Николаевна, кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой социального и семейного законодательства Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова, заслуженный юрист Российской Федерации
Советская ул., д. 14, г. Ярославль, Россия, 150003
nant@uniyar.ac.ru

age is diverse and ambiguous. At the same time, legislative decisions are based on various factors: conventions of the digital designation of the age report point, respect for national and cultural traditions, including legal ones, considerations about medical and psychological characteristics more or less corresponding to a particular age, subjective preferences or mistakes, purely political (ideological) motives. As a result, the combination of these factors leads to justified or, to varying degrees, unjustified approaches that are extremely approximate in digital terms.

The paper criticizes family law provisions concerning regional diversity and regulating the issue of reducing the age of marriage, which does not always reflect the real national and cultural characteristics of the territories and excessively localizes the concept of legal capacity. The author analyzes the differentiation of the child's age capabilities as a subject of family law, including the context of interaction with relevant decisions in other branches of Russian law (constitutional, municipal, administrative, civil, labor, civil procedure). The absence of a system in this matter is stated. It is proposed to adjust the legislation in terms of systematization of «launch points» of partial legal capacity of minors. The author emphasizes a psychological context of the problem of a legal age for the child. The paper demonstrates other values of age for the family law sphere, namely: invalidity of marriage, alimony obligations, custody and guardianship, adoption (adoption).

Keywords: age; legal significance; age differentiation; systematization of decisions; marriage; child; minor parenthood; family legal relations.

Cite as: Tarusina NN. *Vozrast kak yuridicheskiy fakt v sfere semi: soblazny i uslovnost tsifry* [Age as a Legal Fact in the Family Sphere: Temptations and Conventionality of the Number of Years]. *Lex russica*. 2022;75(10):17-32. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.191.10.017-032. (In Russ., abstract in Eng.).

Юридическое значение возраста человека с точки зрения и «момента запуска», и содержания последствий — многообразно и неоднозначно. При этом законодательные решения строятся с учетом различных факторов: условности цифрового обозначения точки возрастного отчета, уважения национальных и культурных традиций, в том числе правовых, соображений о медицинских и психологических характеристиках, более или менее соответствующих тому или иному возрасту, субъективных предпочтений или ошибок, сугубо политических (идеологических) мотивов. В результате сочетание указанных факторов приводит к обоснованным или же разной степени необоснованным позициям, в высшей степени приблизительным в цифровом плане.

Историко-правовой и сравнительно-правовой взгляд на проблему подтверждает означенные тезисы. Так, исходя из вполне очевидного для юриспруденции тезиса о том, что «физическая и психическая зрелость человека наступает нескоро после рождения», для понимания совершаемого юридического акта «необходимо достижение умственной зрелости и приобретение некоторого житейского опыта»³, различные элементы конструкции дееспособности запускаются дифференцированно: минимум

возможностей для малолетних (дабы они не повредили собственным интересам) — с их возрастом по мере взросления лица. В древнем русском праве, при общем отсутствии срока совершеннолетия, более всего упоминаний о допущении к самостоятельной деятельности приходится на 15-летний возраст, в петровские времена обнаруживаем указание на поступление дворян на службу с этого же возраста (указ 1723 г.), а в екатерининские — совершеннолетними объявлялись граждане по достижении 21 года (1785 г.)⁴, что сохранялось до законодательных решений после Октябрьской революции. Однако при этом русское гражданское право всё же предусматривало некоторую дифференциацию: до 14 лет — малолетство, от 14 до 17 — малолетство второй ступени, или несовершеннолетие в «тесном смысле»⁵ (с правом просить о смене опекуна, решения о следовании в ссылку за своими родителями, изъявлении согласия на усыновление, дозволением делать вклады в ссудо-сберегательных кассах и распоряжаться ими); с 17 до 21 года — с правом вступления в управление своим имением, совершения ряда сделок, но с согласия опекуна⁶. Возраст супружеского союза отличался от «гражданского», был гендерно дифференцирован (18 — для мужчин и 16 — для женщин;

³ Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. Казань, 1905. С. 87–88.

⁴ См.: Шершеневич Г. Ф. Указ. соч. С. 88–89.

⁵ Мейер Д. И. Русское гражданское право. М.: Статут, 1997. Ч. 1. С. 98.

⁶ См.: Дювернуа Н. Л. Чтения по гражданскому праву. М.: Зерцало, 2004. Т. 1. С. 303–304.

с допущением с 1857 г. снижения до полугода по усмотрению епархиального архиерея) и не оказывал влияния на «общецивильную» дееспособность⁷.

Несмотря на то что в большинстве «западных» и ряде «восточных» стран возраст гражданской дееспособности был снижен с 21 года до 18 лет, до настоящего времени сохраняются и возрастные вариации: 18 лет — Австрия; 20 лет — Лихтенштейн, Южная Корея, Таиланд, Япония и др.; 21 год — Бразилия, Египет, Индонезия, Ливия, ОАЭ и др. При этом минимальный брачный возраст в ряде стран не совпадает с возрастом полной гражданской дееспособности: например, в Японии — в 18 (для мужчин) и 16 (для женщин), в Китае — 22 и 20 лет соответственно (гражданская дееспособность — с 18 лет); в Республике Беларусь — 18 лет (с возможностью снижения в пределах 3 лет), в Азербайджанской Республике — 18 лет (с правом уменьшения только на 1 год) и т.д. Даже из предложенной «цифровой картины» явствует сомнение в прямом и исключительном следовании того или иного законодателя национальным и культурным традициям, ибо только на этом основании невозможно объяснить совпадение решений в странах, столь различных между собой⁸. Данное предположение подтверждается и историческими образцами нормативов о брачном возрасте в советском законодательстве: например, и на Украине, и в Узбекистане общее правило было гендерно дифференцировано на 18 и 17 лет (сходство же между указанными советскими республиками — лишь алфавитное...). Полагаем, что культурные традиции, национальные особенности, в том числе правовой системы, соображения идеологического порядка (например, о неукоснительном следовании принципу гендерного равенства), характер взаимодействия юридической доктрины и законотворческой практики, различного рода прагматичные соображения — факторы, в тех или иных вариациях предопределяющие обсуждаемые правовые позиции и дающие подчас не вполне ожидаемые результаты.

Определенные различия наблюдаются и в подходе к вопросу о моменте возникновения

правоспособности. Так, несмотря на стратегическое правило о ее «запуске» с рождения, ряд правовых возможностей появляются задолго до данного прекрасного во всех отношениях события. Об этом в неконкретизированном виде сообщается в преамбуле Конвенции о правах ребенка 1989 г. со ссылкой на Декларацию прав ребенка 1959 г.: «Ребенок, ввиду его физической и умственной незрелости, нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту, как до, так и после рождения». Соответственно, многие государства, опираясь на собственную правовую доктрину и рецепируя положения римского частного права, либо декларируют в конституциях общий тезис о защите прав и интересов ребенка с момента зачатия и конкретизируют его в отраслевом законодательстве, либо ограничиваются последним. Например, Аргентина специально указывает, что ребенком признается человеческое существо с момента зачатия и до возраста дееспособности, в законодательных актах (конституциях, иных законах) Венгрии, Германии, Ирландии, Нидерландов, Словакии, США, Чехии и др. закреплено, что право на жизнь защищается, как правило, и до рождения⁹.

Российское законодательство подобных заявлений избегает, не погружаясь в неустрашимую коллизию между конституционными и отраслевыми нормами о приоритетной защите прав и интересов детей и правом женщины, пусть и ограниченным, на прерывание беременности¹⁰. В то же время, во-первых, указанный общий тезис опосредованно реализуется в законодательстве об охране здоровья граждан (в рамках медицинского сопровождения беременности), о труде и социальном обеспечении (в нормах о льготах и об иной поддержке женщин в означенном состоянии), о браке и семье (в нормах об ограничении права на развод с беременной супругой, о праве на алименты в состоянии беременности), об уголовном преследовании (например, в нормах о специальном составе убийства такой женщины). Во-вторых, он непосредственно обнаруживает себя в гражданском законодательстве (в рамках

⁷ См.: Дювернуа Н. Л. Указ. соч. С. 304.

⁸ Например, до гендерной нейтрализации французской версии брачного возраста нормативно-правовые решения почти совпадали во Франции (18 и 15 лет) и Японии (18 и 16 лет).

⁹ См., например: Беседкина Н. И. Права неродившегося ребенка // Государство и право. 2006. № 4. С. 54–60.

¹⁰ Тарусина Н. Н. Несколько тезисов о праве родиться // Lex russica (Русский закон). 2021. Т. 74. № 5 (174). 55–56.

рецепции римского частного права): правило ст. 1116 ГК РФ призывает к наследованию граждан, зачатых при жизни наследодателя и родившихся живыми после открытия наследства, а норма ст. 1088 кодекса закрепляет для аналогичного субъекта право на возмещение вреда в связи со смертью потерпевшего (кормильца).

Определенная коллизионность решений о юридическом значении возраста наблюдается и внутри российского законодательства — между отраслями права и правовыми институтами внутри отрасли. Как мы уже заметили, те или иные возрастные границы устанавливаются законодателем с большой долей условности (что, в принципе, неизбежно) и субъективизма (что вряд ли приемлемо). Некоторые компоненты конституционной дееспособности (в единстве с правоспособностью) появляются с 14 лет (например, согласие для приобретения или прекращения гражданства — ч. 2 ст. 9 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации»), а иные — с 16 лет (например, участие в отдельных формах муниципального народовластия — ч. 4 ст. 26.1 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»). При этом дети в ситуации неопределенного типа дееспособности и статуса вправе участвовать в общественных организациях и общественных мероприятиях, выражать свое мнение в рамках соответствующей конституционной свободы¹¹.

В отраслевых и межотраслевых пространствах возрастные «правовые качели» работают еще интенсивнее. Так, после рождения, то есть с официально признанного момента запуска правоспособности гражданина, гражданско-правовая «минидееспособность» возникает с 6 лет, частичная — с 14 лет, в 16 допускается эмансипация. Трудовая правосубъектность (правоспособность и дееспособность — в традиционном комплекте) по общему правилу стартует в 16 лет (на определенных условиях — с 14 и 15 лет, с исключениями для более младших возрастов — ст. 20, 54.1, 63 ТК РФ). При этом в доктрине трудового права полагают нецелесообразным ориентироваться на соответствующие цивилистические конструкции и их

цифровые обозначения, традиционно избегая субсидиарного применения гражданского законодательства¹². Административная ответственность, в смысле деликтной правосубъектности, наступает также с 16 лет (ст. 2.3 КоАП РФ). Уголовная ответственность «запускается», в порядке исключения, с 14 лет (для отдельных тяжких преступлений — ст. 20 УК РФ).

Законодательство об образовании в основном избегает цифровых обозначений, используя другие критерии, в частности уровни образовательных программ (например, дисциплинарные взыскания не применяются к обучающимся дошкольного и начального общего образования — п. 5 ст. 43 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»). Медицинское законодательство учитывает позицию несовершеннолетнего с 15 лет (ч. 2 ст. 54 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»).

Конструкция гражданско-процессуальной дееспособности, как и должно в контексте характера взаимодействия материального и процессуального законов, в целом следует за характером дееспособности в материальных отраслях права. Однако четкой диспозиции по данному вопросу статья 37 ГПК РФ всё же не предлагает: определен лишь суверенный статус несовершеннолетнего, вступившего в брак или эмансипированного, с 14 лет возможно самостоятельное участие в процессе в случаях, прямо предусмотренных федеральным законодательством (однако с правом суда привлечь в процесс законного представителя), а процессуальный статус детей до 14 лет не определен (как теперь выражаются, «от слова “совсем”»), несмотря на то что по ряду категорий дел, в том числе и прежде всего семейных, они могут участвовать в судебном разбирательстве. В каком качестве — свидетелей, соучастников, самостоятельных сторон?.. При этом очевидно, что представительство их интересов родителями или лицами, их замещающими, не отменяет правоспособности и далеко не полностью перекрывает («дезавуирует») минидееспособность ребенка (не «говорящей вещи», не объекта, а субъекта права), чье мнение, а не только лишь свидетельствование о фактах значимо для суда

¹¹ См., например: *Ситкова О. Ю.* Правовая природа права ребенка на доступ к информации и его ограничение в целях защиты ребенка от информации, наносящей вред психическому здоровью и развитию // Семейное и жилищное право. 2021. № 1. С. 27–30; *Саленко А. В.* Свобода мирных собраний: «детские митинги» и «взрослые санкции» // Журнал российского права. 2019. № 8. С. 48–61.

¹² См.: *Лушников А. М., Лушникова М. В.* Трудовое право. М.: Проспект, 2021. С. 163–166.

(ст. 56–57 СК РФ) и по смыслу закона, и по соображениям житейского опыта, а возможно, и житейской мудрости как его венца. Совершенно очевидно, что означенная лакуна должна быть нормативно заполнена системными, обобщенными решениями.

Однако наиболее ярко выражены возрастные «правовые качели» именно в семейно-правовой сфере. Так, в отличие от классической цивилистики (гражданского права) возрастной ценз «правовой осознанности действий» начинается в 10 лет. При этом ребенок, не достигший данного цифрового барьера, обладает частичной семейной дееспособностью, ибо вправе не только иметь и высказывать мнение по вопросам своего семейного статуса и семейного бытия, но и рассчитывать на учет этого мнения со стороны родителей, иных попечителей, органов опеки и попечительства, суда и других правоприменителей (ст. 57 СК РФ). С 10 же лет его праву на мнение корреспондирует обязанность перечисленных лиц безусловным образом учитывать данную позицию. До достижения 10-летнего возраста, на наш взгляд, наличествует не обязанность, а правомочие со значительной энергетикой правоприменительного (прежде всего судебского) усмотрения¹³.

С этого же возраста к статусу ребенка подключается конструкция согласия на совершение ряда семейно-правовых актов, затрагивающих его интересы (согласие на изменение имени/фамилии, восстановление в родительских правах его генетических матери/отца, усыновление/удочерение, назначение опекуна). Означенное правомочие, как видим, в своем применении весьма ограничено. В доктрине в течение длительного времени масштаб ограничения подвергается критике. В частности, предлагается распространить действие рассматриваемой конструкции на заключение согла-

шений об алиментах, о порядке осуществления родителями своих прав (в том числе в рамках разрешения споров о месте проживания ребенка и порядке общения с ним отдельно проживающего родителя, близких родственников)¹⁴, а также при рассмотрении судом дела об установлении/оспаривании отцовства¹⁵. С данными предложениями вполне солидарны. Небезосновательно и соображение о том, что конструкция согласия должна действовать не только в рамках судебного разбирательства, но и при заключении соглашений между родителями¹⁶ (там, где они сущностно возможны). Сомнения вызывает только целесообразность учета мнения 10-летнего ребенка при заключении соглашения о взыскании алиментов. Думается, в этом вопросе более уместна возрастная аналогия классической цивилистики (14 лет), так как речь идет об имущественном правоотношении.

Однако 10-летний возрастной ценз находится в дискуссионном поле. С одной стороны, он подвергается именно цивилистическому сомнению, так как совершенно не коррелирует с положениями о гражданско-правовой дееспособности несовершеннолетних. В частности, предполагается, что подобная корреляция вполне разумна при решении вопроса, с какого возраста при разрешении спора о месте проживания ребенка учет его мнения является обязательным¹⁷. В доктрине высказывается также гипотеза о снижении возраста семейно-правового согласия до 7 лет (то есть без корреляции с ГК РФ): решение современного законодателя о 10-летнем барьере автоматически перенесено из предыдущего кодекса; оно не подкреплено психологическим обоснованием, не учитывает более раннего созревания ребенка «в эпоху глобальных перемен»¹⁸. Данная позиция подвергнута мягкой критике: при кажущейся само-

¹³ См.: Тарусина Н. Н. Судебная практика по семейным делам: проблемы усмотрения на грани правотворчества // *Lex russica* (Русский закон). 2019. № 5 (150). С. 41–42.

¹⁴ См., например: Беспалов Ю. Ф. Семейно-правовой статус ребенка: проблемы семейного законодательства РФ // Семейное и жилищное право. 2016. № 5. С. 14.

¹⁵ См.: Хазова О. А. Установление отцовства // Закон. 1997. № 11. С. 83–84.

¹⁶ См.: Федорова Л. Ф. О проблемах реализации права ребенка на выражение своего мнения // *Евразийская адвокатура*. 2014. № 5 (12). С. 82.

¹⁷ См.: Эрделевский А. М. Право ребенка на выражение мнения // СПС «КонсультантПлюс». 2001.

¹⁸ См.: Федорова Л. Ф. Указ. соч. С. 80.

Автор, опираясь на суждения некоторых психологов, обращает также внимание на то, что «первое рождение личности» происходит в 3 года, а значит, с этого возраста ребенок может выразить свое мнение по вопросам, затрагивающим его интересы... Оставим это фантастическое предположение в разделе «гипотезы».

очевидности решение далеко не бесспорно, так как не исключено опасное воздействие на волю такого ребенка одним из родителей — именно поэтому возникает необходимость участия в процессе психолога, проведения судебно-психологической экспертизы¹⁹. Добавим: и именно поэтому эксперименты с возрастом как юридическим фактом, дифференцирующим рассматриваемый статус, требуют осторожности.

С другой стороны, данный возраст (10 лет) всё же не представляется достаточным для принятия осознанных решений (тем более юридического свойства) — именно с точки зрения психологии (по крайней мере классической). Специалисты в означенной области знаний и деятельности полагают, что необходимый уровень самосознания и самовыражения (соответствующего учета мнения в форме дачи согласия), по общему правилу, можно ожидать лишь в подростковом возрасте, то есть не ранее 12 лет²⁰. Впрочем, «сложносочиненные психологические сады» возрастной дифференциации далеко не всегда воспроизводятся в образе цифр. Так, общепринятое соображение о том, что проблема возраста имеет стратегическое значение «в общей линии психического и личностного развития ребенка», является не только центральным для всей детской психологии, но и ключом ко всем вопросам практики (разумеется, в системе с оценкой его индивидуальных

особенностей)²¹; в психологической науке доминируют такие характеристики, как «дошкольный возраст», «школьники младших классов», «подростковый возраст», хотя и с некоторой конкретизацией. Что касается готовности, пусть и весьма относительной, к принятию решений, то ориентиром служит именно подростковый возраст — возраст формирования абстрактно-логического (теоретического) мышления, необходимого для понимания, усвоения и использования правовых норм²². «Когнитивное развитие, — отмечается в доктрине, — характеризуется абстрактным мышлением и растущим использованием метапознания. Эти процессы оказывают влияние на границы и содержание памяти подростка, способы решения проблем, особенности мышления в социальном контексте и вынесение моральных суждений»²³. Биологический же подростковый возраст определяется в условных границах: от 11 (12) до 14 (15) лет²⁴, от 12 до 16 лет²⁵, от 12 до 18 лет²⁶, от 13 до 18 лет²⁷ и т.д. Так или иначе, необходимый (а возможно, и минимальный — с учетом индивидуализации подхода) уровень самосознания, когнитивного развития как предпосылка для принятия значимых решений предполагается не ранее 11–13 лет. Гипотеза о более раннем взрослении современного ребенка пока не подтверждается. Более того, его вовлеченность в цифровое (виртуальное) пространство, дли-

¹⁹ См.: Зыков С. В. Учет мнения ребенка по спорам между родителями о месте его жительства // Семейное и жилищное право. 2022. № 4. С. 14.

²⁰ См., например: Эльконин Д. Б. Введение в детскую психологию // Избранные психологические труды. М. : Педагогика, 1989. С. 55.

²¹ См.: Дубровина И. В. Л. С. Выготский и современная практическая психология (к 120-летию со дня рождения Л. С. Выготского) // Вестник практической психологии образования. 2016. № 2 (47). С. 5.

²² См., например: Божович Л. И. Личность и учение подростка // Психологическая наука и образование. 1997. Т. 2. № 1. С. 5–6.

²³ Крайг Г., Бокум Д. Психология развития. СПб. : Питер, 2005. С. 408.

²⁴ См.: Мухина В. С. Возрастная психология. М. : Академия, 1997. С. 347.

Справедливости ради следует заметить, что некоторые авторы не исключают и 10-летний возраст (см.: Шаповаленко И. В. Психология развития и возрастная психология. М. : Юрайт, 2012. С. 411 ; Ключева Н. В., Сизова А. В., Пашикина О. С. Коммуникативные навыки младших подростков, играющих в видеоигры // Ярославский психологический вестник. 2022. № 1 (52). С. 103). Впрочем, последние авторы не ставили перед собой цели определить подростковый возраст способности к принятию решений, а лишь констатировали начальную точку отсчета для категории младшего подросткового возраста, с которого в принципе можно говорить о таковых попытках.

²⁵ См.: Божович Л. И. Указ. соч. С. 5.

²⁶ См.: Эриксон Э. Г. Детство и общество. СПб. : АСТ, 2000. С. 16. (Для уточнения: в предложенной книге автор не привел цифровых границ подросткового возраста, однако Д. Элkind в предисловии к этой книге, ссылаясь на позицию ее автора, указанную периодизацию обозначил.)

²⁷ См.: Выготский Л. С. Проблема возраста // Собрание сочинений : в 6 т. М. : Педагогика, 1984. Т. 4. С. 244–268.

тельное там (в Интернете) пребывание «негативно влияет на когнитивные способности, психосоматику и качество развития», «онтологический соблазн» цифры ослабляет самосознание и самоидентификацию, искушает к отказу от самого себя, от своей собственной нормы²⁸, находящейся в стадии формирования.

При этом, например, правила о допуске ребенка к информации, в том числе фиксированной в книгах и других подобных источниках, включая цифровые формы, предусматривают несколько ступеней возрастной дифференциации, отличающейся от классических трендов: 6+, 12+, 16+, 18+ (Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»).

Очевидно, что доктринальные, в том числе прикладного характера, размышления об обоснованной градации юридических возможностей ребенка должны быть продолжены — в рамках совместных усилий представителей трех гуманитарных наук: юриспруденции, психологии и педагогики. Причем на данном этапе такого взаимодействия приходится констатировать отсутствие системного междисциплинарного подхода, наличие лишь отдельных разработок в рамках конкретной проблематики (например, об особенностях учета мнения ребенка при проведении судебно-психологической экспертизы по делам об определении места его жительства или о порядке общения с ним одного из родителей — в ситуации их раздельного проживания).

Следующие семейно-правовые возрастные лаги — 14 (15) и 16 лет. Их фиксация, в отличие от гражданско-правовой, также не лишена как пробелов, коллизий, так и сомнительных решений. Наиболее ярко это проявляется в институте брака и несовершеннолетнего родительства.

Российские вариации минимального брачного возраста богаты неожиданностями. Так, в отличие от КоБС РСФСР, которым допускалось, при наличии уважительных причин и в рамках административного усмотрения, снижение

брачного возраста до 16 лет, статья 13 СК РФ предполагает региональное правотворчество по данному вопросу — право законом субъекта РФ разрешить, при особых жизненных обстоятельствах (беременность определенного срока, создание фактической семьи, призыв в ВС РФ и т.п. — основания также регионально дифференцируются), снижение означенного возраста до 15 или 14 лет²⁹. Норматив СК РФ не предусматривает нижнего возрастного предела, что технологически неверно. Это дает возможность для фиксации в региональных нормативных правовых актах столь же небрежных заявлений. Например, в первой редакции Семейного кодекса Республики Башкортостан (ч. 2 ст. 12) лимит также отсутствовал, что, в отличие от правила о делегированном субъекту Федерации полномочии (ст. 13 СК РФ), затрудняло толкование и применение означенного правомочия. Между тем минимальный возрастной предел очевиден — 14 лет, и он обусловлен содержанием начал российского законодательства: о неполной гражданской дееспособности, об исключительной уголовной ответственности, о получении документа (паспорта), юридически идентифицирующего личность, о праве на самостоятельную судебную защиту по семейным вопросам и т.д.

В принципе очевидно, что причины возрастного послабления в основном сводятся к необходимости учета национально-культурных особенностей регионов, значимых интересов несовершеннолетних (в основном, женского пола), оказавшихся в семейно-неопределенной ситуации, а также отрицательному отношению законодателя (и, как предположение, общества в целом) к фактическим семейным союзам³⁰. Однако предоставленная СК РФ региональная «вольница» привела и к абсурдным ситуациям. Так, например, в Центральном федеральном округе, объединяющем области, весьма сходные по культурному «геному», в рамках федеральной нормы о 16-летнем барьере остались только Ярославская область и

²⁸ См.: Смирнов С. А. Человек и цифра: история соблазна // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 8 (454). С. 22–23.

²⁹ В соответствии с Рекомендациями о согласии на вступление в брак, минимальном брачном возрасте и регистрации браков (принятыми резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 01.11.1965) минимальный брачный возраст установлен в 15 лет, с допущением исключений для особых категорий случаев.

³⁰ Как известно, проекты о введении хотя бы частичной защиты интересов фактических супругов неукоснительно отклоняются, несмотря на справедливые аргументы в пользу такого решения. См., например: Тарусина Н. Н. Гендер в законе и семейные ценности: в поисках баланса // Lex russica (Русский закон). 2022. Т. 75. № 1 (182). С. 138–139.

г. Москва (без Московской области), остальные воспользовались предоставленным им правом, но вразнобой, предусмотрев порог либо в 15, либо в 14 лет. При этом соответственно полная дееспособность стартует также дифференцированно... Воистину — рязанская, тверская, ярославская законность... Небезынтересен также и тезис о своеобразной «территориальной дискриминации»³¹ предбрачного статуса несовершеннолетних граждан. В доктрине (и мы изначально к этому присоединились) высказано справедливое соображение о возврате к федеральному нормированию (с лимитом в 16 или 14 лет)³². И пусть региональное административное усмотрение индивидуализирует федеральную норму к конкретному случаю (при барьере выше 14 лет), а не к своему демографическому конгломерату в целом. При этом мы не солидарны с предложениями о необходимости обязательного сопровождения решения о снижении брачного возраста согласием родителей несовершеннолетних кандидатов на супружество³³: строго личный характер данного семейного правоотношения исключает, на наш взгляд, столь жесткое вмешательство в данную сферу — достаточно и того, что в процессе принятия соответствующего административного решения позиция родителей может быть обозначена, усмотренчески оценена и учтена наряду с другими фактами. Полагаем также,

что доктринальные ссылки на зарубежное законодательство не вполне уместны, так как в «западном» праве конструкция брака онтологически сродни гражданско-правовой сделке, а российское законодательство зиждется на другой идеологической платформе — как бы ни хотелось иного современным конструкторам брачного договора сугубо цивилистического (гражданско-правового) толка, обрамляющего некоторые супружеские союзы³⁴. (Впрочем, в настоящее время именно на региональном уровне опосредованно данная конструкция «согласия» применяется. Так, например, в соответствии с Законом Московской области (от 30.04.2008 № 61/2008-03) заявление на имя губернатора о снижении брачного возраста подается родителями или другими законными представителями несовершеннолетнего, что, по сути, и является аналогом согласия. Варианты негативной позиции представителей могут быть преодолены путем самостоятельной подачи заявления 14-летним (15-, 16-летним) в органы опеки и попечительства.)

Что касается несовершеннолетнего родительства, то, с одной стороны, возраст такового, по вполне понятной причине, не установлен (ибо «неисповедимы пути твои, Господи...»), однако, с другой стороны, наличествует формализация такого специального родительского статуса: до 14 лет — никшни³⁵, с 14 лет появля-

³¹ См.: *Леканова Е. Е.* К вопросу о защите интересов несовершеннолетних при вступлении в брак // Социально-юридическая тетрадь. 2018. № 8. С. 70.

³² *Антокольская М. В.* Семейное право. М.: Юрист, 1997. С. 120; *Куриленко О. Г.* Регулирование брачного правоотношения по законодательству Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 13.

³³ См., например: *Якушев П. А.* Минимальный возраст вступления в брак: традиционное и правовое регулирование // Семейное и жилищное право. 2017. № 4. С. 36; *Трофимец И. А.* Актуальные вопросы заключения и прекращения брака на постсоветском пространстве. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 52–53. Некоторые авторы, анализируя региональные законы, как бы по умолчанию также согласны с правомочностью конструкции согласия родителей. См., например: *Матвеева Н. А.* Проблемы вступления в брак до достижения брачного возраста в субъектах Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2018. № 2. С. 11–14.

³⁴ Мы неоднократно отмечали, что избыточная свобода содержания брачного договора, не предполагающая обязательной защиты интересов слабой стороны супружества, общих детей и интересов семьи в целом, не отвечает сущности семейных отношений, общим началам семейного законодательства. См., например: *Тарусина Н. Н.* Законодательство о браке и семье: более ста лет движения по спиралям российской истории // Социально-юридическая тетрадь. 2017. № 7. С. 22–23.

³⁵ В действительности усеченный набор юридических возможностей имеется: отцовство может быть установлено в судебном порядке по иску опекуна несовершеннолетнего родителя младше 14 лет (ст. 49 СК РФ) и это право реализуется совместно либо с данным опекуном (что разумно), либо со специально назначенным для этого опекуном (что, скорее всего, неразумно). При этом в СК РФ отсутствует прямое указание на возможность опекуна (первого типа) такого родителя заявлять об отцовстве подопечного в административном порядке. Толкование позволяет предположить, что это объясняется личным характером правоотношения.

ется право самостоятельно предъявлять иск об установлении своего внебрачного отцовства (гендерное различие обусловлено тем, что материнство, как правило, очевидно), а осуществление родительских прав реализуется в рамках совместной опеки с взрослым лицом, назначенным опекуном родившегося у «не вполне смышленного гражданина» ребенка.

С 14 лет несовершеннолетний вправе решать вопрос об изменении имени/фамилии (ст. 59 СК РФ), месте жительства (ст. 20 ГК РФ), реализовывать усеченный имущественный статус (ст. 26 ГК РФ). В то же время следует обратить внимание на два юридически значимых обстоятельства. Во-первых, несмотря на положение ст. 20 ГК РФ, привязка к установленной ею возможности в СК РФ отсутствует: ни в одной норме СК РФ нет конкретизированного к типу ситуации (например, спору о месте жительства ребенка при раздельном проживании его родителей) указания на означенную цивилистическую суверенность несовершеннолетнего с 14 лет. Во-вторых, отсутствует логическая связка между правом последнего самостоятельно обращаться в суд с иском об установлении своего внебрачного отцовства и сходным правом искать своего отца в порядке гражданского судопроизводства: статья 49 СК РФ такой возможности не предоставляет, адресуя ее лишь ребенку, достигшему совершеннолетия. Нелогично, необоснованно, несправедливо.

Дополнительные возможности появляются по достижении 16 лет: право на снижение брачного возраста по федеральному правилу (ст. 13 СК РФ), самостоятельное осуществление родительских прав в отношении своего внебрачного ребенка (ст. 62 СК РФ). При этом упрек в адрес ограничений ст. 49 СК РФ усиливается: при наличии права на брак и суверенное родительство отказ в праве искать своего отца выглядит неуместным, искусственным ограничением.

Следует также заметить, что, в отличие от образовательного, административного и уголовного законодательства, семейный закон не предусматривает для несовершеннолетнего (10, 14 и даже 16 лет) конструкции юридической обязанности. Данная позиция российского законодателя в доктрине подвергается убедительной критике³⁶. Действительно, несмотря

на очевидную семейно-правовую активность ребенка с 10-летнего возраста (тем более старше), СК РФ хотя и содержит специальную главу о его статусе, но ни в названии гл. 11 — «Права несовершеннолетних детей», ни в ее нормах об элементах долженствования не упоминает, даже намеком.

Большинство цивилистов с позицией законодателя солидарны — ввиду недееспособности ребенка. В то же время некоторые классики цивилистической науки данную точку зрения не разделяли еще более 50 лет назад: правам родителей по отношению к детям должны корреспондировать обязанности последних подчиняться соответствующему воспитательному воздействию; поскольку родителям, по умолчанию закона, разрешено применять к детям непротивоправные методы воспитания, не противоречащие нормам морали, — значит, налицо «правовая охрана возлагаемых на детей обязанностей»³⁷. Приведенное соображение было высказано еще в рамках толкования законодательства даже до 1968–1969 гг. (до КоБС РСФСР, не говоря уже об СК РФ, то есть в отсутствие главы о семейно-правовом статусе ребенка как самостоятельного субъекта). Полагаем, что действующая «родительско-детская нормативистика» породила бы еще более выраженную позицию.

Воистину: аргумент о недееспособности ребенка, безотносительно к возрастной градации степени осознания им себя в этом мире, не работает в полную силу, ибо не в бессознательном же состоянии он с 10 лет выражает свое письменное согласие на совершение ряда семейно-правовых актов, а с 14 лет наделяется суверенным правом на судебную защиту, снижение брачного возраста для заключения конкретного брачного союза, усеченным статусом родителя своего внебрачного ребенка и т.д.?

Абсурдность позиции отрицания многократно усиливается сравнением с противоположной позицией самого же законодателя, установившего дисциплинарную ответственность в сфере образования (примерно с 10 лет), а также административную (с 16) и уголовную (с 14 лет). Всяческая ответственность является особой разновидностью юридической обязанности. Или последние ее образцы следует толковать

³⁶ См., например: Тарусина Н. Н. О некоторых невероятных приключениях «неуловимой» конструкции обязанности // Вестник Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова. Серия «Гуманитарные науки». 2021. Т. 15. № 2 (56). С. 220–231.

³⁷ Иоффе О. С. Советское гражданское право. М., 1965. Т. 3. С. 238–239.

как право несовершеннолетнего подвергнуться претерпеванию неблагоприятных последствий в виде дисциплинарного, административного, уголовного наказания? По мысли законодателя, например, для привлечения к дисциплинарной ответственности (в форме замечания, выговора, отчисления из учебного заведения) ребенок созрел, а для обязанности подчиниться законному воспитательному воздействию в семье — нет?.. Уважать учителей и других сотрудников образовательного учреждения дети (обучающиеся) обязаны (п. 4 ч. 1 ст. 43 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»), а родителей — нет?..

Дополнительным, но в целом значимым аргументом против семейно-правовой конструкции детской обязанности является соображение о ее декларативном характере, неподкрепленности конкретными санкциями³⁸. Истинно так. Фиксировать в семейном законе положения о допущении наказания детей (в форме лишения пирожного, удержания в углу, отказа в прогулке), тем более телесного, разумеется, совершенно неприемлемо. Однако следует заметить, что семейно-правовая сфера отличается, как известно, весьма специфической методологией, глубоким проникновением в ее онормативленную ткань этических начал³⁹. Законодатель отнюдь не избегает декларативных норм — и не только в ст. 1 СК РФ, но и в конкретных семейно-правовых предписаниях: о взаимоуважении и взаимопомощи супругов (ч. 3 ст. 31), нравственном воспитании детей (абз. 2 ч. 1 ст. 65), достойном/недостойном поведении супругов (ст. 92) и др. При этом не во всех случаях несоблюдение данных предписаний ведет к конкретным последствиям. Например, если факт недостойного поведения супруга в браке может явиться основанием для освобождения второго супруга от алиментной обязанности, то призывы к взаимоуважению и взаимопомощи к прямым последствиям, в случае их даже явного неисполнения, не ведут (можно и расторгнуть брак, и набраться недюжинного терпения для его сохранения).

Кроме того, такие вполне прагматичные страны, как Германия, Польша, Болгария, полагающие семейное право и законодательство (с

большой или меньшей степенью очевидности) частью права гражданского, декларативных положений об обязанностях детей в семье отнюдь не избегают. Так, например, статья 1619 Гражданского уложения Германии предписывает детям долженствование посильным способом помогать родителям в домашнем хозяйстве и прочих семейных делах. Статьи 87 и 95 Польского семейного и опекунского кодекса объявляют ожидание государства о взаимном уважении родителей и детей, а по вопросам, по которым ребенок наделен правом принимать решения, он должен для своего же блага выслушивать рекомендации родителей. Взаимные обязанности родителей и детей уважать и поддерживать друг друга закреплены в § 854 и 885 Гражданского кодекса Чехии⁴⁰. Статьи 69–70 Семейного кодекса Болгарии адресуют детям обязанность уважать родителей, бабушку и дедушку и помогать им. Не лишено «декларативных» призывов и китайское семейное законодательство: детям предписывается оказывать родителям помощь, уважать их право на брак, не вмешиваться в вопрос о заключении повторного брака и в их дальнейшую супружескую жизнь (ст. 21 и 23 Закона КНР «О браке»).

Конечно, в текущем моменте ссылаться на «западные» авторитеты — немодно (впрочем, мы привели и китайский вариант), но эти нормы существуют десятилетиями и, видимо, подтверждают свою общественную полезность. Не всё в пространстве права должно подлежать формализации и унификации — возможны и означенные исключения, а также и разнообразные иные (например, сдвоенная конструкция права — обязанности родителей по воспитанию ребенка также не укладывается в лоно классической юриспруденции, но принимается многими цивилистами как своеобразное отступление от общего правила, обусловленное спецификой семейных правоотношений⁴¹).

Причем вопрос актуализируется в контексте принятых в 2020 г. конституционных поправок: в п. 4 ст. 67.1 Конституции РФ явным образом просматривается не только обязанность государства создавать условия для духовного и нравственного развития детей, но и ожидание от них уважительного отношения к старшим

³⁸ См., например: Нечаева А. М. Семейное право. М. : Юрайт, 2015. С. 178.

³⁹ См., например: Ворожейкин Е. М. Семейные правоотношения в СССР. М. : Юрид. лит-ра, 1972. С. 43–70.

⁴⁰ См.: Матвеева Н. А. Институт обязанностей ребенка в законодательстве зарубежных стран // Семейное и жилищное право. 2020. № 6. С. 25–28.

⁴¹ См., например: Гражданское право / под ред. А. П. Сергеева. М., 2009. Т. 3. С. 475–476.

и других проявлений достойного воспитания. Полагаем, последние характеристики имеют скорее обязывающий контекст, нежели управомочивающий. В любом случае, по меньшей мере следует зафиксировать распространение конструкции обязанности на несовершеннолетних, достигших 14-летнего возраста, а также подумать о ее частичном присутствии и с 10 лет, так как семейный законодатель явным образом подчеркивает должный, с его точки зрения, уровень осознанности действий такого ребенка, а правило о даче им согласия на совершение ряда семейно-правовых актов не относится к диспозитивным — позиция, положительная или отрицательная, должна быть выявлена. Впрочем, формированию должного климата в семье не повредит закрепление обсуждаемых типов обязанностей детей и без указания возраста, но с конкретизацией дополнительных долженствований с 10 и 14 лет.

Таким образом, на наш взгляд, очевидно, что глава 11 «Права несовершеннолетних детей» должна содержать как более четкую, разумную и непротиворечивую дифференциацию статуса по возрасту ребенка (включая характеристики дееспособности), так и юридические сентенции о его обязанностях, — также в зависимости от возраста: от общего указания на обязанность уважать родителей (лиц, их заменяющих), помогать им в семейных делах до конкретных обязанностей по вопросам дачи согласия на определенные акты, своего внебрачного родительства и т.п.

В неконкретизированном виде представлено в СК РФ понятие о пожилом — либо формализованном «квазиоцифрованном» (пенсионном), либо неоцифрованном — возрасте. Последний, во-первых, может иметь значение при признании брака недействительным как фиктивного⁴². Причем фиктивный брак может быть и двусторонним (лицо преклонного возраста мотивировано под «крышей» брака

предоставить определенные блага партнеру; в этом случае такой союз крайне сложно отличить от брака по расчету), и односторонним (на основе корыстолюбия недобросовестной стороны — при полном неведении возрастного партнера)⁴³. Во-вторых, учитывается при назначении опекуна/попечителя, принятии решения об установлении усыновления/удочерения, — разумеется, в диспозитивном ключе, совокупно с другими значимыми обстоятельствами: состоянием здоровья, опытом воспитания детей, личностной характеристикой, качеством отношений между взрослым и ребенком (если таковые уже возникли). В доктрине тем не менее высказывается предложение об установлении предельного возраста для кандидатов на усыновление/удочерение, опекунов и приемное родительство: ограничение должно вести отсчет с наступления пенсионного статуса — периода неполной способности выполнять трудовые функции, а следовательно, и функции по воспитанию и заботе о ребенке⁴⁴. В противовес данному соображению отмечается: представители старшего поколения обладают необходимым житейским опытом, располагают возможностью уделять ребенку больше времени; продолжительность жизни в стране постепенно увеличивается (68 лет — у мужчин и 78 — у женщин); пожилые люди, скрашивая свое одиночество, с благодарностью делятся энергетикой и знанием с подопечным⁴⁵. Добавим: немалое число пенсионеров участвуют в волонтерском движении и других формах гражданской активности, а многие работающие пенсионеры по результативности дадут фору более молодым коллегам. В любом случае подобное гипотетическое ограничение не должно распространяться на близких родственников, поскольку традиционные семейные связи не только причислены к ценностному ряду, но и реально значимы для судьбы ребенка. Разумеется, во всех означенных слу-

⁴² Как известно, предельный возраст для заключения супружеского союза не установлен. Соображения по данному вопросу ориентируют нас в область морали. Хотя российская правовая история знает о попытках подобного ограничения, практически оно и в те времена не являлось непреодолимым препятствием — решение отдавалось на усмотрение священника, венчавшего пару.

⁴³ См.: Тарусина Н. Н., Сочнева О. И. О фиктивности в семейно-правовой сфере // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 6. С. 80.

⁴⁴ См.: Цымбалюк В. А. Установление возрастного ценза при усыновлении несовершеннолетнего // Молодой ученый. 2017. № 23. С. 240–243.

⁴⁵ См.: Матвеева Н. А. Установление возрастных требований для претендентов на статус усыновителей, опекунов и попечителей несовершеннолетних подопечных, приемных родителей // Семейное и жилищное право. 2021. № 6. С. 13.

чаях возможны исключения, но пусть их квалифицирует таковыми суд, а не императивная правовая норма. Статьей 128 СК РФ предусмотрена также разница в возрасте между усыновляемым/удочеряемой и усыновителем/удочерителем, которая, по смыслу предписания, не является непреодолимым препятствием — и для строго определенных случаев, и для ситуаций, усмотренчески индивидуализированных судом.

Пенсионный возраст становится также компонентом юридико-фактического состава ряда алиментных обязательств либо основанием для корректировки алиментного права или одноименной обязанности. Полагаем, что в связи с его увеличением в главы СК РФ о совместной собственности супругов (правила об учете жизненно важных интересов супругов при разделе общесупружеского имущества — ст. 39) и об алиментных обязательствах (ст. 87, 89, 90, 93–98) целесообразно внести положение о пожилом («предпенсионном») возрасте как возможном юридически значимом факте, в совокупности с другими влияющим на характеристику и правовую оценку ситуации.

В ситуации доктринальной, нормотворческой и судебно-практической неопределенности находится проблема материальной поддержки родителями совершеннолетних детей (до 23 лет), обучающихся по очной форме в государственных образовательных учреждениях всех уровней (по аналогии с социально-обеспечительным законодательством). В частности, в доктрине отмечается, что, вопреки позиции законодателя, положительно не реагирующего на регулярно вносимые проекты по означенному вопросу, судебная практика не единодушна: большинство судов исключают возможность дополнительного алиментного вспомоществования совершеннолетних детей (при отсутствии установленного юридико-фактического

состава), однако встречаются и противоположные решения⁴⁶.

Полагаем, что размышления в данном направлении следует продолжить. При этом необходимо дополнительно учитывать следующие обстоятельства:

- 1) образовательная практика в настоящее время, в отличие от прошлых лет, свидетельствует о сходстве действующих программ очной и очно-заочной форм обучения, об участии как «дневных», так и «вечерних» студентов в трудовой деятельности (в свободное от учебы время, а иногда — и вместе с ней) и наоборот — об акценте последних исключительно на получении образования (по крайней мере на начальных курсах);
- 2) в отличие от специалитета, программа бакалавриата завершается, как правило, в 21 год⁴⁷;
- 3) хотя современные «дети», достигшие 18-летнего возраста, могут быть и инфантильными, и житейски продвинутыми, законодательное поощрение иждивенчества вряд ли относится к социально ценным акциям.

В целом же рассмотренные возрастные позиции, на наш взгляд, в отличие от брачных и детских «возрастных цензов», не составляют площадки для острой дискуссии⁴⁸, поэтому мы ограничиваемся предложенными констатациями.

Таким образом, картина возраста в семейно-правовой сфере (как, впрочем, и в целом в юриспруденции, российской и зарубежной) весьма богата смыслами и красками, замысел «художника» далеко не всегда понятен, а нередко и сомнителен — с точки зрения логики, системности, справедливости. Ее явно следует дорабатывать до приемлемых канонов. В отличие от произведений искусства, каноны которого весьма размыты современными «пер-

⁴⁶ См.: Ксенофонтова Д. С. Правовые гарантии в сфере алиментирования. М.: Статут, 2018. С. 118–119.

⁴⁷ Ситуация, конечно, может измениться в случае отказа от Болонской системы.

⁴⁸ В отличие от новейшего административного законодательства «ковидного» периода, в котором явным образом были выделены возрастные группы 60+ и 65+, что актуализировало дискуссии об «эйдзизме», психологической и юридической обоснованности ограничений и прямых запретов для данных категорий граждан. К сожалению, предполагаем, что процесс «возрастной дискриминации» в означенной сфере далеко не завершен, так как, судя по всему, «пандемические вариации» склонны к расширению своего присутствия в нашей жизни и влияния на законодательные и правоприменительные решения. Впрочем, надеемся, что власть, обладая соответствующим опытом 2020 и 2021 гг., изыщет более корректные и адекватные способы взаимодействия с пожилыми людьми. Подробнее см., например: Тарусина Н. Н. Несколько тезисов об ограничениях прав и свобод граждан в чрезвычайных обстоятельствах пандемии // Lex russica (Русский закон). 2021. Т. 74. № 8 (177). С. 104–105.

формансами» и другими вариациями на тему, «произведения права» таковой «канонизации» и разумной конкретизации (приближению к реальности) вполне подвержены. А значит, цели систематизации, разумности и справедливости по обсуждаемым вопросам вполне достижимы.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Антокольская М. В. Семейное право. — М. : Юрист, 1997. — 366 с.
2. Беседкина Н. И. Права неродившегося ребенка // Государство и право. — 2006. — № 4. — С. 54–60.
3. Беспалов Ю. Ф. Семейно-правовой статус ребенка: проблемы семейного законодательства РФ // Семейное и жилищное право. — 2016. — № 5. — С. 11–15.
4. Божович Л. И. Личность и учение подростка // Психологическая наука и образование. — 1997. — Т. 2. — № 1. — С. 5–10.
5. Ворожейкин Е. М. Семейные правоотношения в СССР. — М. : Юрид. лит-ра, 1972. — 336 с.
6. Выготский Л. С. Проблема возраста // Собрание сочинений : в 6 т. — Т. 4. — М. : Педагогика, 1984. — С. 244–268.
7. Гражданское право / под ред. А. П. Сергеева. — Т. 3. — М., 2009. — 800 с.
8. Дубровина И. В. Л. С. Выготский и современная практическая психология (к 120-летию со дня рождения Л. С. Выготского) // Вестник практической психологии образования. — 2016. — № 2 (47). — С. 3–9.
9. Дювернуа Н. Л. Чтения по гражданскому праву. — М. : Зерцало, 2004. — 568 с.
10. Зыков С. В. Учет мнения ребенка по спорам между родителями о месте его жительства // Семейное и жилищное право. — 2022. — № 4. — С. 13–16.
11. Иоффе О. С. Советское гражданское право. — Т. 3. — М., 1965. — 495 с.
12. Ключева Н. В., Сизова А. В., Пашкина О. С. Коммуникативные навыки младших подростков, играющих в видеоигры // Ярославский психологический журнал. — 2022. — № 1 (52). — С. 103–106.
13. Крайг Г., Бокум Д. Психология развития. — СПб. : Питер, 2005. — 940 с.
14. Ксенофонтова Д. С. Правовые гарантии в сфере алиментирования : монография. — М. : Статут, 2018. — 207 с.
15. Куриленко О. Г. Регулирование брачного правоотношения по законодательству Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2003. — 188 с.
16. Леканова Е. Е. К вопросу о защите интересов несовершеннолетних при вступлении в брак // Социально-юридическая тетрадь. — 2018. — № 8. — С. 68–79.
17. Лушников А. М., Лушникова М. В. Трудовое право. — М. : Проспект, 2021. — 768 с.
18. Матвеева Н. А. Институт обязанностей ребенка в законодательстве зарубежных стран // Семейное и жилищное право. — 2020. — № 6. — С. 25–28.
19. Матвеева Н. А. Проблемы вступления в брак до достижения брачного возраста в субъектах Российской Федерации // Семейное и жилищное право. — 2018. — № 2. — С. 11–14.
20. Матвеева Н. А. Установление возрастных требований для претендентов на статус усыновителей, опекунов и попечителей несовершеннолетних подопечных, приемных родителей // Семейное и жилищное право. — 2021. — № 6. — С. 12–14.
21. Мейер Д. И. Русское гражданское право. Ч. 1. — М. : Статут, 1997. — 290 с.
22. Нечаева А. М. Семейное право. — М. : Юрайт, 2015. — 303 с.
23. Мухина В. С. Возрастная психология. — М. : Академия, 1997. — 432 с.
24. Саленко А. В. Свобода мирных собраний: «детские митинги» и «взрослые санкции» // Журнал российского права. — 2019. — № 8. — С. 48–61.
25. Ситкова О. Ю. Правовая природа права ребенка на доступ к информации и его ограничение в целях защиты ребенка от информации, наносящей вред психическому здоровью и развитию // Семейное и жилищное право. — 2021. — № 1. — С. 27–30.
26. Смирнов С. А. Человек и цифра: история соблазна // Вестник Челябинского государственного университета. — 2021. — № 8. — С. 22–29.
27. Тарусина Н. Н. Гендер в законе и семейные ценности: в поисках баланса // Lex russica (Русский закон). — 2022. — Т. 75. — № 1. — С. 131–146.
28. Тарусина Н. Н., Сочнева О. И. О фиктивности в семейно-правовой сфере // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2015. — № 6. — С. 78–84.

29. Тарусина Н. Н. Несколько тезисов о праве родиться // Lex russica (Русский закон). — 2021. — Т. 74. — № 5 (174). — С. 52–62.
30. Тарусина Н. Н. О некоторых невероятных приключениях «неуловимой» конструкции обязанности // Вестник Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова. Серия «Гуманитарные науки». — 2021. — Т. 15. — № 2 (56). — С. 220–231.
31. Тарусина Н. Н. Судебная практика по семейным делам: проблемы усмотрения на грани правотворчества // Lex russica (Русский закон). — 2019. — № 5. — С. 40–48.
32. Тарусина Н. Н. Законодательство о браке и семье: более ста лет движения по спиралям российской истории // Социально-юридическая тетрадь. — 2017. — № 7. — С. 5–45.
33. Тарусина Н. Н. Несколько тезисов об ограничениях прав и свобод граждан в чрезвычайных обстоятельствах пандемии // Lex russica (Русский закон). — 2021. — Т. 74. — № 8 (177). — С. 99–109.
34. Трофимец И. А. Актуальные вопросы заключения и прекращения брака на постсоветском пространстве. — М. : Юрлитинформ, 2012. — 256 с.
35. Федорова Л. Ф. О проблемах реализации права ребенка на выражение своего мнения // Евразийская адвокатура. — 2014. — № 5 (12). — С. 78–84.
36. Хазова О. А. Установление отцовства // Закон. — 1997. — № 11. — С. 83–84.
37. Шаповаленко И. В. Психология развития и возрастная психология. — М. : Юрайт, 2012. — 567 с.
38. Цымбалюк В. А. Установление возрастного ценза при усыновлении несовершеннолетнего // Молодой ученый. — 2017. — № 23 (157). — С. 240–243.
39. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. — Казань, 1905. — 795 с.
40. Эльконин Д. Б. Введение в детскую психологию // Избранные психологические труды. — М. : Педагогика, 1989. — 560 с.
41. Эрделевский А. М. Право ребенка на выражение мнения // СПС «КонсультантПлюс». — 2001.
42. Эриксон Э. Г. Детство и общество. — СПб. : АСТ, 1996. — 592 с.
43. Якушев П. А. Минимальный возраст вступления в брак: традиционное и правовое регулирование // Семейное и жилищное право. — 2017. — № 4. — С. 33–36.

Материал поступил в редакцию 25 августа 2022 г.

REFERENCES

1. Antokolskaya MV. Semeynoe pravo [Family law]. Moscow: Yurist Publ.; 1997. (In Russ.).
2. Besedkina NI. Prava nerodivshegosya rebenka [Rights of an Unborn Child]. *State and Law*. 2006;4:54-60. (In Russ.).
3. Bepalov YuF. Semeyno-pravovoy status rebenka: problemy semeynogo zakonodatelstva RF [Family Legal Status of the Child: Problems of the Family Legislation of the Russian Federation]. *Family and Housing Law*. 2016;5:11-15. (In Russ.).
4. Bozhovich LI. Lichnost i uchenie podrostka [Personality and the teaching of a teenager]. *Psychological Science and Education*. 1997;2(1):5-10. (In Russ.).
5. Vorozheikin EM. Semeynye pravootnosheniya v SSSR [Family legal relations in the USSR]. Moscow: Yurid. lit-ra Publ.; 1972. (In Russ.).
6. Vygotsky LS. Problema vozrasta [The problem of age]. Collected works: in 6 vols. Vol. 4. Moscow: Pedagogika Publ.; 1984. (In Russ.).
7. Sergeev AP (ed.). Grazhdanskoe pravo [Civil Law]. Vol. 3. Moscow; 2009. (In Russ.).
8. Dubrovina IA. L. S. Vygotskiy i sovremennaya prakticheskaya psikhologiya (k 120-letiyu so dnya rozhdeniya L. S. Vygotskogo) [L.S. Vygotsky and modern practical psychology (to the 120th anniversary of the birth of L.S. Vygotsky)]. *Bulletin of Psychological Practice in Education*. 2016;2(47):3-9. (In Russ.).
9. Duvernois NL. Chteniya po grazhdanskomu pravu [Readings on civil law]. Moscow: Zertsalo Publ.; 2004. (In Russ.).
10. Zykov SV. Uchet mneniya rebenka po sporam mezhdu roditelyami o meste ego zhitelstva [Taking the Child's Opinion into Account in Disputes between the Parents over the Child's Place of Residence]. *Family and Housing Law*. 2022;4:13-16. (In Russ.).
11. Ioffe OS. Sovetskoe grazhdanskoe pravo [Soviet civil law]. Vol. 3. Moscow; 1965. (In Russ.).

12. Klyueva NV, Sizova AV, Pashkina OS. Kommunikativnye navyki mladshikh podrostkov, igrayushchikh v videoigry [Communication skills of younger teenagers playing video games]. *Yaroslavl Psychological Journal*. 2022;1(52):103-106. (In Russ.).
13. Kraig G, Bokum D. Psikhologiya razvitiya [Psychology of development]. St. Petersburg: Piter Publ.; 2005. (In Russ.).
14. Ksenofontova DS. Pravovye garantii v sfere alimentirovaniya [Legal guarantees in the field of alimony]. Moscow: Statut Publ.; 2018. (In Russ.).
15. Kurylenko OG. Regulirovanie brachnogo pravootnosheniya po zakonodatelstvu Rossiyskoy Federatsii: dis. ... kand. jurid. nauk [Regulation of marital relations under the legislation of the Russian Federation: Cand. Sci. (Law) Thesis]. Moscow; 2003. (In Russ.).
16. Lekanova EE. K voprosu o zashchite interesov nesovershennoletnikh pri vstuplenii v brak [On the issue of protecting the interests of minors at the time of marriage]. *Sotsialno-yuridicheskaya tetrad*. 2018;8:68-79. (In Russ.).
17. Lushnikov AM, Lushnikova MV. Trudovoe pravo [Labor Law]. Moscow: Prospect Publ.; 2021. (In Russ.).
18. Matveeva NA. Institut obyazannostey rebenka v zakonodatelstve zarubezhnykh stran [The institution of child's obligations in laws of foreign countries]. *Family and Housing Law*. 2020;6:25-28. (In Russ.).
19. Matveeva NA. Problemy vstupleniya v brak do dostizheniya brachnogo vozrasta v subektakh Rossiyskoy Federatsii [Issues of Consummation of Marriage before Reaching the Marriageable Age in Constituent Entities of the Russian Federation]. *Family and Housing Law*. 2018;2:11-14. (In Russ.).
20. Matveeva NA. Ustanovlenie vozrastnykh trebovaniy dlya pretendentov na status usynoviteley, opekunov i popechiteley nesovershennoletnikh podopechnykh, priemnykh roditeley [The establishment of age requirements for applicants for the status of adoptive parents, guardians and trustees of minor wards, foster parents]. *Family and Housing Law*. 2021;6:12-14. (In Russ.).
21. Meyer DI. Russkoe grazhdanskoe pravo [Russian Civil Law]. Part 1. Moscow: Statut Publ.; 1997. (In Russ.).
22. Nechaeva AM. Semeynoe pravo [Family Law]. Moscow: Yurayt Publ.; 2015. (In Russ.).
23. Mukhina VS. Vozrastnaya psikhologiya [Age Psychology]. Moscow: Akademiya Publ.; 1997. (In Russ.).
24. Salenko AA. Svoboda mirnykh sobraniy: «detskie mitingi» i «vzroslye sanktsii» [Freedom of peaceful assembly: «children's meetings» and «adult sanctions»]. *Journal of Russian Law*. 2019;8:48-61. (In Russ.).
25. Sitkova OYu. Pravovaya priroda prava rebenka na dostup k informatsii i ego ogranichenie v tselyakh zashchity rebenka ot informatsii, nanosyashchey vred psikhicheskomu zdorov'yu i razvitiyu [The legal nature of the child's right to access information and the restriction thereof to protect a child against information detrimental to the mental health and development of minors]. *Family and Housing Law*. 2021;1:27-30. (In Russ.).
26. Smirnov SA. Chelovek i tsifra: istoriya soblazna [Human and digit: the story of temptation]. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2021;8:22-29 (In Russ.).
27. Tarusina NN. Gender v zakone i semeynye tsennosti: v poiskakh balansa [Gender in law and family values: in search of a balance]. *Lex russica*. 2022;75(1):131-146. (In Russ.).
28. Tarusina NN, Sochneva OI. O fiktivnosti v semeyno-pravovoy sfere [About fictitious acts in the field of family law]. *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*. 2015;6:78-84. (In Russ.).
29. Tarusina NN. Neskolko tezisev o prave roditsya [Several theses on the right to be born]. *Lex russica*. 2021;74(174):52-62. (In Russ.).
30. Tarusina NN. O nekotorykh neveroyatnykh priklyucheniyakh «neulovimoy» konstruksii obyazannosti [About some incredible adventures of the «elusive» duty construction]. *Vestnik of Demidov Yaroslavl State University. Humanities*. 2021;15-2(56):220-231. (In Russ.).
31. Tarusina NN. Sudebnaya praktika po semeynym delam: problemy usmotreniya na grani pravotvorchestva [Court practice in family disputes: problems of discretion on the verge of law-making]. *Lex russica*. 2019;5:40-48. (In Russ.).
32. Tarusina NN. Zakonodatelstvo o brake i seme: bolee sta let dvizheniya po spiralyam rossiyskoy istorii [Legislation of marriage and family: over a hundred years of Russian history downward spiralling]. *Sotsialno-yuridicheskaya tetrad*. 2017;7:5-45. (In Russ.).
33. Tarusina NN. Neskolko tezisev ob ogranicheniyakh prav i svobod grazhdan v chrezvychaynykh obstoyatelstvakh pandemii [Several arguments on restrictions on the rights and freedoms of citizens in pandemic emergencies]. *Lex russica*. 2021;74-8(177):99-109 (In Russ.).

34. Trofimets IA. Aktualnye voprosy zaklyucheniya i prekrashcheniya braka na postsovetskom prostranstve [Topical issues of marriage and termination in the post-Soviet space]. Moscow: Yurlitinform Publ.; 2012. (In Russ.).
35. Fedorova LF. O problemakh realizatsii prava rebenka na vyrazhenie svoego mneniya [Problems of realization of the right of the child to express his(her) opinion]. *Eurasian Advocacy*. 2014;5(12):78-84. (In Russ.).
36. Khazova OA. Ustanovlenie ottsovstva [Establishing paternity]. *Zakon*. 1997;11:83-84. (In Russ.).
37. Shapovalenko IA. Psikhologiya razvitiya i vozrastnaya psikhologiya [Developmental psychology and age psychology]. Moscow: Yurayt Publ.; 2012. (In Russ.).
38. Tsymbalyuk VA. Ustanovlenie vozrastnogo tsenza pri usynovlenii nesovershennoletnego [The age limit for the adoption of a minor]. *Young Scientist*. 2017;23(157):240-243. (In Russ.).
39. Shershenevich GF. Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava. [Textbook of Russian Civil Law]. Kazan; 1905. (In Russ.).
40. Elkonin DB. Vvedenie v detskuyu psikhologiyu [Introduction to child psychology]. Selected psychological works. Moscow: Pedagogika Publ.; 1989. (In Russ.).
41. Erdelevsky AM. Pravo rebenka na vyrazhenie mneniya [The right of a child to express an opinion]. Law Reference System «ConsultantPlus».
42. Erickson EG. Detstvo i obshchestvo [Childhood and society]. St. Petersburg: AST Publ.; 1996. (In Russ.).
43. Yakushev PA. Minimalnyy vozrast vstupleniya v brak: traditsionnoe i pravovoe regulirovanie [Minimum age of marriage: traditional and legal regulation]. *Family and Housing Law*. 2017;4:33-36. (In Russ.).